

АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН «БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» И ТУРЕЦКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ГЛУБИНЫ»: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Раскрываются два внешнеполитических проекта США и Турецкой Республики: «Большой Ближний Восток» и «Стратегическая глубина». Системный анализ и сопоставление внешнеполитических инициатив Вашингтона и Анкары позволяют автору раскрыть модель нестыковки глобальных внешнеполитических подходов США и региональных Турецкой Республики и, таким образом, выявить окно российских национальных интересов на Ближнем и Среднем Востоке, заключающихся в формировании выгодного для себя баланса сил с учетом ограниченности ресурсов и использования противоречий глобальной и региональных держав.

Ключевые слова: США; Турецкая Республика; Россия; «Большой Ближний Восток»; «Стратегическая глубина».

Точкой отсчета для оценки геополитических интересов России в Черноморско-Средиземноморском регионе является оценка завершения советского периода развития России. С точки зрения геополитической методологии после дезинтеграции СССР Россия утратила свою субъектность в Средиземноморском регионе и стремительно ее теряла в Черноморском бассейне. Исторической точкой поворота стали пятидневный российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. и возвращение Крыма в 2014 г. Российские геополитические интересы в Черноморско-Средиземноморском регионе формируются исходя из следующих возможностей и механизмов.

Во-первых, в Черноморском регионе современные интересы России базируются на недопущении экспансии нерегиональной державы (США) или экспансии и расширения враждебного военно-политического блока, что достигалось ранее и на современном этапе за счет раздела сфер влияния с Турецкой Республикой.

Во-вторых, в Средиземноморском регионе современные интересы России имеют более сложную задачу в силу ограниченности ресурсов и основаны на сохранении остаточного от СССР влияния с формированием благоприятного для себя баланса сил.

В обоих регионах региональным субъектом, который одновременно конкурент и партнер России, является Турецкая Республика. Ключом для России в Средиземноморском регионе является также Турция, и Турция одновременно может являться «пробкой», закрывающей Россию в Черном море. Конвенция Монтре, заключенная еще в 1936 г. и регламентирующая пропускной режим через Черноморские проливы, действует до сих пор. В 1994 г. Турция дополнила ее экологическими статьями, которые на время создали трудности в экспорте российской нефти через Босфор и Дарданеллы, создав длинную очередь из российских танкеров. Параллельно Запад и Турция лишили Россию монополии на транспортировку углеводородов постсоветского пространства через трубопроводный проект «Баку–Джейхан». По сути, конвенция Монтре оставляет под контролем проход из Средиземного моря в Черное и обратно в руках Турции или более сильной державы, стоящей за ней.

Современная модель внешней политики Анкары представляет собой два уровня. Верхний этаж – глобальный, где Турция ориентируется на США и свои

союзнические обязательства. Анкара на этом уровне своей внешней политики полностью поддерживает мир «по-американски». Нижний – региональный, где Анкара пытается реализовать собственные региональные интересы и проекты, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона. Даже на нижнем этаже своей внешней политики региональные интересы Анкары и Москвы сталкиваются практически по всем направлениям (турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России, интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии, турецкая политика на Ближнем Востоке, а особенно по сирийской проблеме, не совместима с российскими внешнеполитическими подходами), за исключением совместного блокирования против экспансии США в Черноморско-Каспийском регионе.

Таким образом, в геополитическом пространстве Россия и Турция имеют очень узкий сегмент совместных интересов, ограничивающийся как раз Черноморским регионом. Этим узким пространством совместных интересов можно пояснить «быстрые договоренности» двух элит по Крыму в 2014 г. Для Турции переход Крыма под юрисдикцию России – это существенно меньший ущерб, чем появление американских баз в бухтах Севастополя. Это же относится к вопросу интеграции Украины и Грузии в НАТО. Турция на эмоциональном уровне может поддерживать расширение Евроатлантического блока на Черноморский регион, но на уровне реальной политики и геополитических интересов Турции – это неприемлемый для Анкары сценарий. Анализ турецкой внешней политики позволяет выделить три направления экспансии: панисламистскую, пантюркистскую и европейскую. В первых двух Анкара может выступать субъектом, в последнем – исключительно объектом.

После распада Советского Союза и вплоть до второй половины 1990-х гг. США в своей внешней политике переживали период «неопределенности», однако уже в 1997 г. Вашингтоном был сделан выбор в пользу реализации модели «однополярного мира» [1. С. 174]. С этого времени начинает разрабатываться и апробироваться новый внешнеполитический подход по переформатированию Евразии – концепции

«Больших пространств»: «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большой Черноморский регион».

Выступая 6 ноября 2003 г. в Вашингтоне, президент США Дж. Буш заявил, что установление демократии на Ближнем Востоке будет основным приоритетом внешней политики США на ближайшие десятилетия, «появление свободного Ирака в самом сердце Ближнего Востока станет переломным моментом в процессе глобальной демократической трансформации» [2. С. 62]. Администрация Дж. Буша выдвинула план создания нового геополитического пространства «Большой Ближний Восток», суть которого заключается в демократизации и модернизации пространства от Марокко до Пакистана, включая территорию от Казахстана до острова Маврикий в Индийском океане.

Первым шагом Администрации США в содействии демократической трансформации в регионе была предложенная государственным секретарем К. Пауэлом 12 декабря 2002 г. «Инициатива ближневосточного партнерства» (Middle East Partnership Initiative, MEPI). Основная задача данной инициативы заключалась в реализации проектов по поддержанию образования, частного сектора производства, укреплению гражданского общества и обеспечению верховенства права в государствах Ближнего Востока. Функциональная структура проекта включает в себя четыре главных направления:

- в экономической сфере проект направлен на повышение уровня занятости населения, развитие частного сектора, малого и среднего предпринимательства и т.д.;

- в политической сфере американцы декларируют необходимость развития и укрепления демократических традиций и гражданского общества, установления верховенства права, создания ответственных и эффективных государственных институтов, повышения роли свободной прессы и других СМИ;

- в проекте образовательное направление связано с обеспечением доступа к начальному и среднему образованию, особенно для девочек и женщин, внедрением новых систем обучения и компьютеризации данного процесса;

- защита прав женщин выделена в отдельный блок, который должен интегрировать женский пол в политическую и социальную жизнь «современного общества».

Итак, по американской версии конечной целью предложенного США проекта «Большой Ближний Восток» являлось создание условий для демократического развития и преодоления значительного экономического и социального отставания государств региона в контексте борьбы с причинами нестабильности, экстремизма и терроризма.

Д. Чейни, выступая на мировом экономическом форуме в Давосе в январе 2004 г., заявил: «Помочь людям на Ближнем Востоке заполнить дефицит свободы – это, в конечном итоге, ключевое задание в деле борьбы с терроризмом. Это великое строительство нашей эпохи, и оно требует решимости и ресурсов как минимум целого поколения» [3].

Вместе с тем президент США в своем выступлении перед аудиторией Национального фонда за демократию 6 ноября 2003 г. публично отрицал намерение насаждать демократию извне, напоминая, что потребность в демократии должна возникнуть внутри государств. Запад только должен будет оказать соответствующую поддержку, строя партнерские отношения со странами-реципиентами на равных началах. «Модернизация не отождествляется с вестернизацией», – отметил президент США Дж. Буш. Представительские правительства Ближнего Востока будут отображением собственной культуры стран региона. Они не будут и не смогут быть похожими на нас».

Реализация данных инициатив осуществляется с привлечением Соединенными Штатами Америки заинтересованных сторон в государствах Ближнего Востока (частных структур, негосударственных организаций). По каждому направлению деятельности осуществлялось несколько проектов, финансируемых из федерального бюджета. В фискальном 2003 г. финансирование программ составляло 100 млн долл. США. Кроме того, США выделяли более 1 млрд долл. в рамках проектов двусторонней экономической помощи арабским странам [2. С. 67].

9 мая 2003 г. президент США также заявил об идее реализации в течение следующих десяти лет проекта создания «Ближневосточной зоны свободной торговли».

Однако такая масштабная программа, по замыслам Вашингтона, должна была быть реализована при поддержке ЕС, России и Японии (стран «Большой восьмерки»), что и было озвучено американской администрацией. Данная инициатива была воспринята «развитым» сообществом без лишнего энтузиазма. Значительная часть политического истеблишмента стран «Большой восьмерки» подвергла сомнению «добрую волю» Соединенных Штатов и высказалась в духе того, что американцы пытаются облагородить свои цели, заключающиеся в достижении контроля за углеводородными ресурсами региона, а также расширении гегемонии достижения контроля США в арабском мире, навязав абсолютную зависимость в экономической, политической и культурной сферах. Так, президент Египта заявил по поводу реализации данной программы, что «американцы стремятся размыть арабское единство и развалить лигу арабских держав». Такая реакция стран – потенциальных доноров проекта и государств-реципиентов заставляет на тот период администрацию Дж. Буша трансформировать идею «Большого Ближнего Востока». С этой целью Соединенные Штаты использовали ежегодные саммиты «Большой восьмерки» (г. Саванна, 8–10 июля 2004 г.), ЕС – США (г. Шанон, Ирландия, 26 июля 2004 г.) и саммит НАТО (г. Стамбул, Турция, 28–29 июля 2004 г.).

Саммит «Большой восьмерки» состоялся с участием лидеров государств Большого Ближнего Востока. В результате был принят компромиссный вариант инициативы США, которая была закреплена в декларации «Партнерство во имя прогресса и совместного будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки». Суть данной декларации заключалась в том, что Вашингтон признает каждое госу-

дарство региона уникальным и что реформы не должны насаждаться извне. В то же время в декларации указывалось, что уникальность каждой нации региона не должна использоваться для препятствия проведения реформ. Был принят план поддержки реформ, который включал в себя реализацию политических, экономических, образовательных и социальных инициатив.

По итогам саммита проект новой американской ближневосточной стратегии по распространению западных демократических ценностей и урегулированию конфликтов получил реальные очертания.

На саммите ЕС – США (26 июля 2004 г.) была принята «Совместная декларация США и ЕС в отношении поддержки мира, прогресса и реформ на Большом Ближнем Востоке и в Средиземноморье» и выявлены некоторые противоречия между ЕС и США, касающиеся, прежде всего, региональных интересов европейских государств в «третьем мире».

На саммите НАТО, проходившем в Турции, Соединенным Штатам удалось разделить ответственность в регионе со своими западными союзниками в контексте расширения деятельности НАТО в Афганистане и привлечения ресурсов альянса для подготовки сил безопасности Ирака. На саммите была принята Стамбульская инициатива, которая предполагала более тесное взаимодействие в сфере безопасности государств Ближнего и Среднего Востока с США и НАТО в борьбе с такими угрозами как терроризм, распространение оружия массового поражения.

После того, как проект «Большого Ближнего Востока» претерпел некоторую трансформацию с учетом позиций лидеров предполагаемых государств-доноров и стран-реципиентов, перед республиканской администрацией США стоял вопрос по его реализации. Американцам было необходимо обеспечить такие условия его реализации, чтобы проект не остался только теорией и в то же время не вызвал его политического отторжения союзниками США (субъектами) и государствами – объектами проекта. По замыслам Вашингтона, региональная политика Турции должна была быть тесно связанной с реализацией инициированного США проекта.

Премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган был приглашен на саммит «Большой восьмерки» в американский город Савана, где он высказал свое видение реализации американского проекта. В частности, он отметил, что Турция не поддерживает насаждение извне демократии в государствах исламского мира. Анкара исходит из того, что в государствах региона имеется собственный демократический потенциал для проведения реформ. Турецкий представитель также предложил активизировать процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта и нормализацию ситуации в Ираке, без чего процесс реализации проекта «Большой Ближний Восток» будет безрезультатным. Основные предложения турецкой стороны нашли отражение в декларации «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки».

Правящая в Турции с 2002 г. и до настоящего времени партия Справедливости и развития (АКР) про-

исходит от исламских политических сил турецкой партии Благоденствия.

В 1995 г. эта партия приходит к власти во главе с Неджеметтином Эрбаканом, который сформировал коалиционное правительство. В парламенте Турции исламисты получили 156 из 550 мест. На выборах 1995 г. она выглядела новой политической силой, которая давала убедительные ответы на вопросы электората, выдвинув двух респектабельных харизматичных политиков — Н. Эрбакана и Р. Эрдогана. Два политика внутри партии представляли одновременно два течения: консервативное, приверженцем которого был Н. Эрбакан, и, соответственно, либеральное, которое олицетворял Р. Эрдоган. Партия обещала очистить государство от коррупции и бороться за «чистоту системы и справедливый порядок». В 1997 г. турецкие военные провели «мягкий военный переворот» и отстранили эту политическую силу от власти. Впоследствии Р.Т. Эрдоган дистанцируется от своего политического соратника и организует новую политическую партию.

В 2002 г. партия Справедливости и развития (АКР) уверенно победила на парламентских выборах, набрав 34,28% голосов и заняв 363 из 550 мест в турецком парламенте. С этого момента и до сегодняшнего дня электоральные симпатии турецкого народа к этой партии стабильно увеличивались, что позволило ее лидеру Р.Т. Эрдогану проводить реформы и преобразования турецкого государства, направленные на возвращение к исламским дореспубликанским ценностям развития, параллельно укрепляя свою власть. За эти годы была изменена Конституция – Турция стала президентско-парламентской республикой, где в августе 2014 года Р.Т. Эрдоган стал президентом, а А. Давутоглу был наделен полномочиями премьер-министра.

В течение 2000-х гг. Турецкая Республика начинает реализовывать новую геостратегическую составляющую своей внешней политики. Новый подход умеренных исламистов был направлен на повышение регионального статуса Турции: от положения претендента на роль регионального лидера в действительно могущественную региональную державу и влиятельного глобального игрока (программа 61-го правительства, сформированного правящей партией Справедливости и развития в 2011 г.). Это направление деятельности реализуется в рамках концепции «Стратегической глубины», которая была выдвинута в середине 2000-х тогда Министром иностранных дел Республики А. Давутоглу. Концепция направлена в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи – Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, Азербайджана, а также Сирии (в турецком понимании только после возможного смещения Башара Аль Асада) и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера. Турция формирует данный союз для противодействия антитурецкой коалиции в составе Республики Кипр, Греции, Сербии, Армении, Израиля и, возможно, России. С учетом ускорения политического процесса и внешнеполитической динамики набор союзников и противников Анкары будет варьироваться.

Ахмет Давутоглу – профессор и «турецкий Киссинджер», как его часто называют на Родине, в прошлом министр иностранных дел и премьер-министр Турции, лидер правящей партии Справедливости и развития. Под «Стратегической глубиной» А. Давутоглу понимал вынесение вглубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть, по сути, речь идет о пересобирании новой усеченной Османской империи на основе новых смыслов [4]. А. Давутоглу также выдвинул тезис о том, что концепция «Стратегической глубины» включает «нулевые проблемы» с ближайшими соседями. Однако само содержание наступательной внешней политики Турции противоречит ее естественному последствию – отсутствию разногласий с соседями. То есть программа «нулевых проблем» должна рассматриваться не как процесс, сопровождающий турецкую экспансию, а как цель, которая будет достигнута после завершения реализации «Стратегической глубины». По сути, она означает смещение на неоосманском пространстве неугодных Турции политических режимов или отдельных государственных лидеров. В то же время умеренные исламисты не снимали до недавнего времени тезиса кемалистской турецкой элиты о членстве Турции в ЕС.

Для реализации своих политических планов Турция ориентировалась в государствах постосманского пространства на развитие партийного сотрудничества с политическими силами умеренного ислама, близкими по духу к правящей турецкой партии Справедливости и развития. Такой политической силой в арабском мире является ассоциация «Братья мусульмане», которая значительно расширила свое влияние после революционных событий на Ближнем и Среднем Востоке в ходе «Арабской весны». На определенном этапе – 2011–2014 гг., следствием указанной революционной волны в региональном масштабе было создание сетевой партийной структуры, которая способствовала продвижению турецких интересов в рамках «Стратегической глубины».

Геополитическая составляющая, которая ограничивает военно-политическую активность Анкары в регионе, основывается на тезисе генерального штаба Турции – «Республика должна избегать одновременного участия в двух с половиной войнах, то есть с Грецией и Сирией и внутри государства с курдами, соответственно» [5. С. 147].

При таком внешнеполитическом ограничении Турция может проводить активную внешнюю политику в южном направлении лишь при стабилизации и замораживании угроз с севера Евразийского континента. До сегодняшнего дня, выбрав явным приоритетом Ближний и Средний Восток, Турецкая Республика реализовала принцип по разделению сфер влияния с Россией.

Умеренные турецкие исламисты существенно трансформировали свои внешнеполитические приоритеты на Ближнем и Среднем Востоке, делая их центром своих геополитических интересов, в том числе за счет:

- формирования имиджа лидера мусульманского суннитского мира, за счет конфронтации с Израилем и отхода от кемалистской модели развития;

- углубления регионального альянса с Египтом (турецкие инвестиции в туристический сектор, военно-техническое и военно-политическое сотрудничество);

- сохранения активной роли турецких ВМС и общественных движений в квазиреволюционных событиях на Ближнем Востоке в ходе «Арабской весны».

Одной из центральных проблем для турецкой внешней политики является сирийский вопрос. Москва традиционно настаивает на сохранении существующего политического режима в Сирии. В то же время Анкара сделала ставку и поддерживает деятельность Национального совета Сирии, в которой господствующее положение занимает политическая сила «Братья мусульмане». Принципиальным вопросом для Турции является проблема Кипра, который раскрывает замороженные проблемы с Грецией. Греция, Кипр и Израиль привлекают американские добывающие компании с целью добычи газа на морском шельфе Израиля и Кипра. На шельфе последнего проводятся работы по подготовке его добычи. Реагируя на это, Анкара выдвигает и артикулирует интересы Турецкой Республики Северного Кипра, часто для этого используя ВМС. Все эти действия ведут к обострению ситуации с Грецией и Израилем.

Выбрав явным приоритетом Ближний и Средний Восток, Турецкая Республика пошла на принцип разделения сфер влияния на северном и северо-восточном направлениях, т.е. можно говорить о том, что в условиях экспансии США в Черноморский регион, между Москвой и Анкарой было заключено соглашение о противодействии экспансии Вашингтона в данном регионе. Когда же Вашингтон свернул свою экспансию в указанном регионе, заинтересованность в данном альянсе существенно ослабла.

Внешняя политика Турции в первое десятилетие XXI в. в Черноморском регионе имела следующие составляющие:

- 1) недопущение в регион третьего сильного игрока и раздел сфер влияния между Россией и Турцией. Функционирование военно-политического проекта «Черноморская гармония» в противовес американской операции в Средиземном море «Активные усилия»;

- 2) поддержание баланса отношений с НАТО и Россией. Турция не может себе позволить пойти на ухудшение отношений с Североатлантическим альянсом, поскольку это может привести к потере ее влияния на Балканах;

- 3) фактический отказ от активной внешней политики в тюркском мире (за исключением гуманитарной составляющей) в обмен на ресурсы и стабильность на северных границах. При этом активная внешняя политика с использованием идеологии пантюркизма сворачивается из следующих причин: открытая и агрессивная политика Китая в Средней Азии, которой Турция противостоять не в состоянии (китайская региона и экономическая экспансия по всей шкале рыночного спроса и предложений), недостаточная ресурсная обеспеченность данной политики, повышение роли новых сильных государств, например Казахстана, в тюркском регионе, что нивелирует в нем лидирующую роль Турецкой Республики;

4) активная поддержка отношений с Болгарией и Румынией (совместные маневры ВМС, другие виды военно-политических акций) в противовес оси Сербии – Греции;

5) активизация военно-политических и экономических отношений с политическим режимом Грузии при одновременной умеренной поддержке российской внешней политики в отношении Абхазии и Южной Осетии (такая политика отвечает интересам и России);

6) попытки урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном и участие в решении проблемы Нагорного Карабаха, что повышает региональный статус Турции как региональной державы.

Российско-турецкое сближение в первое десятилетие XXI основывалось на общих интересах двух государств в геэкономической и геополитической плоскостях. Первые связаны с активной трубопроводной политикой России, которые позволили Республике стать энергетическим терминалом, однако Турция и здесь пытается формировать свою политику на основе сбалансированности и многовекторности.

Пытаясь активно играть на Ближнем и Среднем Востоке, Турция начинает активно избавляться от компонентов американского влияния в военной, экономической, военно-технической и образовательной сферах. Главной составляющей американской внешнеполитической стратегии, которая реализовывалась Вашингтоном на протяжении последних 65 лет, было влияние на вооруженные силы Турецкой Республики. В этом контексте турецкое руководство с 2002 г. проводило в течение десятилетия переформатирование своей армии и флота. Данная кампания состояла из постепенного замещения на главных и средних командных должностях в армии и на флоте на лояльных АКР офицеров. Причем «чистка» армейских рядов проходила по следующему механизму – с мая по сентябрь каждого года под следствие попадало большое количество генералов и полковников и других мелких военных чинов (главный критерий – получение военного образования в США), в сентябре с данных военных снимались все обвинения. В то же время в августе традиционно проходили назначения на вышестоящие должности. Таким образом, на ключевые военные должности назначались лояльно настроенные к АКР военные специалисты. Данный процесс имел и негативные стороны, которые заключаются в ослаблении армейского корпуса за счет «вымывания» ресурса профессиональных военных [6. С. 21].

Новую составляющую «ближневосточной игры» получил курдский фактор. Традиционный спектр сторон, которые его используют, сместился. В настоящее время курды получают существенную поддержку со стороны Тель-Авива, причем эта поддержка является системной: от поставки вооружений до финансирования обучения офицерами израильского спецназа курдских повстанцев. Логика Израиля в этом плане заключается в следующем: мы создаем проблемы в прилегающих и внутренних территориях Турции для того, чтобы отвлечь силы и средства Анкары для реализации антиизраильской политики.

В свою очередь, США в реализации своей внешней политики вынуждены опираться на курдский

фактор в регионе, поэтому они тоже могут использовать его, однако с меньшим «усердием», чем Израиль. В этом вопросе появляются расхождения между интересами Вашингтона и Тель-Авива.

В случае успешной реализации своих ближневосточных планов с одновременным замыканием на себя трубопроводных потоков, Анкара уже в среднесрочной перспективе может поднять вопрос о пересмотре решения по принадлежности иракской нефтеносной территории Мосул, опираясь на следующую логику.

Во-первых, Турция до сих пор считает несправедливым решение вопроса в отношении данной провинции (по условиям Лозаннского мира окончательного решения по провинции принято не было).

Во-вторых, провинция позволит обеспечивать Турцию собственными сырьем и нефтепродуктами.

В-третьих, присоединение провинции позволит существенно подорвать и фактически нейтрализовать фактор курдского сепаратизма, поскольку будет блокировано пространство, что связывает турецких, иранских и сирийских курдов.

Однако два последних фактора могут вызвать сильное противодействие со стороны США, Великобритании и Франции, которые традиционно разыгрывают свою стратегию в регионе, используя фактор нефти и курдского сепаратизма. Поэтому турецкие мозговые центры и МИД проводят многочисленные исследования, направленные на уточнение последствий данного шага по шкале затраты / дивиденды.

В случае успешной реализации турецкой ближневосточной политики и получения статуса лидера суннитского мира Турция вернется к внешнеполитической активности на северо-востоке Центральной Азии. Без данного поворота Турция не сможет достичь «Стратегической глубины», поскольку не будет решен вопрос ресурсной (углеводородной) достаточности пространственного проекта.

Для успешной реализации своей центрально-азиатской политики Турция должна будет учесть негативный опыт прежней своей активности в рамках проекта «Великий Туран» (активность Турции на основе пантюркистских идей в 1990-х гг.). В данном контексте во время нахождения у власти умеренных исламистов Турция перешла от реализации националистической внешней политики к политике, основанной на цивилизационной основе, которая и дает стратегическую глубину. С начала 2009 г. проявляется второе издание пантюркистского проекта, где идеи пантюркизма были усилены цивилизационным измерением. В этот период был создан Совет сотрудничества тюркоязычных стран (ССТС), куда вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция, штаб-квартира которого находится в Стамбуле (а не в Анкаре, в чем проявляется косвенный намек на цивилизационное измерение данного проекта). Генеральным секретарем Совета был назначен Халил Акынджи – бывший посол Турции в России. Совет периодически собирается, главной его задачей является взаимодействие на уровне культуры и образования (в марте 2013 г. Генеральный секретарь Совета учредил премию «Гордость тюркского мира», которая будет вы-

дана представителю данного этнокультурного сообщества за достижения в области культуры и искусства в 2014 г.).

В новом издании пантюркистского проекта нет понятий территорий, на которых проживают тюркские народы, акцент делается на государства Центральной Азии и Кавказа, чьи ресурсы способны обеспечить потребности Турции в углеводородном сырье. Взамен турки предлагают свою территорию как транзитную, а также западные технологии в машиностроении, которые были освоены турецкой экономикой. То есть Анкара не вкладывает «в пустую» финансовые средства, как в середине 1990-х гг., и не строит чрезмерно амбициозные планы на данном пространстве, а пытается найти взаимовыгодные сферы сотрудничества, опираясь на культурную общность. При этом Анкара пытается привлечь на свою сторону центральноазиатские элиты путем создания схем по переработке ресурсов с сочетанием личного интереса руководства государств Центральной Азии и Кавказа.

В настоящее время принят флаг ССТС, который имеет четыре символа государственных флагов участников интеграционного проекта. Кроме того, подписаны Соглашение по Финансовым правилам Совета, Соглашение об образовании Тюркской Академии, Соглашение по созданию Фонда поддержки тюркской культуры и тюркского наследия.

В потенциале ССТС заложена скрытая экспансия Турции в данном регионе с одновременным взаимодействием с российско-китайским проектом ШОС. По сути, речь идет о зондировании возможных сфер влияния между Турцией, Китаем и Россией в Центральной Азии и на Кавказе. В то же время важным вопросом в деятельности ССТС является транспортная проблема 10 км общей границы Турции со странами тюркского мира). В связи с этим, главным геополитическим достижением является соглашение в рамках Совета между министерствами транспорта и таможенными органами относительно подготовки и пуска в действие важной железнодорожной магистрали из Турции в Грузию и Азербайджан к Каспийскому морю в Казахстан и Китай. Значение Грузии в данном контексте является чрезвычайно важным для преодоления Турцией естественных препятствий для реализации латентной экспансии в регионе и возможного перехода ее в более агрессивные формы.

Однако в настоящее время экспансия Анкары на постсоветском пространстве проходит главным образом методами «мягкой силы» с применением культурно-информационных методов воздействия на объекты своей политики.

В случае успешной реализации концепции «Стратегической глубины» на Ближнем и Среднем Востоке, Анкара вновь активизирует свою внешнюю политику в «тюркском мире», куда входит и Крым.

Активная реализация турецких планов привела к переформированию российско-турецких отношений в сторону их ухудшения. Пессимистическая оценка динамики двусторонних отношений формулируется таким образом, что в период 2015–2020 гг. между Россией и Турцией может произойти военный конфликт. Оптимистический вариант связан с тем, что развитие экономического сотрудничества перевесит политические, военно-политические и геополитические противоречия между Анкарой и Москвой. После сбитаго российского самолета СУ-24 турецкими ВВС, двусторонние отношения существенно ухудшились. Однако осознание ограниченности турецких ресурсов, что отражено в парадигме Генерального штаба Республики по уклонению от участия в двух с половиной войнах (что является пародированием американских подходов и явным преувеличением возможностей Турции), будет заставлять турецкую элиту искать компромисс с Москвой на стадии реализации своей экспансии на Ближнем и Среднем Востоке. В то же время, если максимально обобщать явные и потенциальные угрозы России, заложенные в политике умеренных исламистов Турции и, следовательно, будущие узлы российско-турецких конфликтов, то необходимо выделить следующие направления двусторонних столкновений:

1) турецкая политика на Ближнем Востоке в рамках доктрины «Стратегической глубины», а особенно по сирийской проблеме, несовместима с российскими внешнеполитическими подходами;

2) турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России;

3) интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии.

Сопоставление «Большого Ближнего Востока» и «Стратегической глубины» дает основание сделать вывод, что турецкая «Стратегическая глубина» в значительной мере блокировала реализацию американского плана «Большой Ближний Восток», который вообще не учитывал российских региональных интересов, и в целом турецкая внешняя политика и региональные амбиции турецких исламистов в данных рамках выгодны России при условии учета вышеперечисленных потенциальных российско-турецких противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ірхін О. Російсько-американські відносини в контексті формування нового світового порядку: етапи, протиріччя, перспективи // Історико-політичні проблеми сучасного світу : збірник наук. статей. Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. Т. 23–24. 272 с.
2. Долгов І.О., Зварич В.Б. «Передова країна» у пошуку своєї ідентичності. Проект США «ширший близький схід»: перспективи для Туреччини // Політика і час. 2004. № 7–8. С. 61–70.
3. Bilici A.N. Will America Bring Democracy to the Middle East // Zaman. 2004. Febr. 19. URL: <http://www.zaman.org>.
4. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 2013. 584 s.
5. Ірхін А.А. США і Турція: від співпраці до конкуренції в Чорноморсько-Каспійському регіоні // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. Науки: економіка, політологія, історія. 2011. № 20 (145). 222 с.
6. Ірхін А.А. США і Турція: стратегічний союз і тактичні розбіжності. Ретроспектива і прогноз. Севастополь : РІБЕСТ, 2016. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 февраля 2018 г.

THE U.S. GREATER MIDDLE EAST INITIATIVE AND THE STRATEGIC DEPTH DOCTRINE OF TURKEY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE BLACK SEA AND THE MEDITERRANEAN SEA REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 98–104.

DOI: 10.17223/15617793/432/12

Aleksandr A. Irkhin, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: alex.irhin@mail.ru

Keywords: USA; Turkish Republic; Russia; Greater Middle East; Strategic Depth; Black and Mediterranean Seas region.

The article describes two foreign policy projects of the USA and the Turkish Republic: the Greater Middle East and the Strategic Depth. Using a system-oriented approach and comparing the foreign policy initiatives of Washington and Ankara, the author uncovers the model of contradictions between the global foreign-policy approach of the USA and the local foreign-policy approach of the Turkish Republic, and identifies the window of Russian opportunities for pursuing national interests in the Near and Middle East that is creating an advantageous balance of forces in the resource-poor setting and is taking advantages of contradictions between the global and local powers. The author is the advocate of the practical politics approach. In this view, the starting point to estimate Russia's geopolitical interests in the Black and Mediterranean Seas region is to estimate what is left after the end of the Soviet period in the development of Russia. From the point of view of a geopolitical approach, after the disintegration of the USSR, Russia lost its personality in the Mediterranean Sea region and was losing it rapidly in the Black Sea basin. The five-day Russian and Georgian conflict in August 2008 and the return of the Crimea in 2014 became the historical turning point. Russia's geopolitical interests in the Black and Mediterranean Seas region are developing based on the following opportunities and mechanisms. First, modern Russian interests in the Black Sea region are based on the prevention of the expansion of the non-regional power (the USA) or the hostile military-political bloc that was achieved before and nowadays due to dividing the spheres of influence with the Turkish Republic. Second, the goal of the modern Russian interests in the Mediterranean Sea region is more complicated due to the lack of resources, and is based on maintaining the after-effect of the USSR influence and creating an advantageous balance of forces. The Turkish Republic is a regional subject that is at the same time an opponent and a partner of Russia in both regions. For Russia, Turkey is as well a key to the Mediterranean Sea region. At the same time, Turkey can be the "cork" blocking Russia in the Black Sea. The Montreux Convention signed in 1936 regarding the regime of the straits is still valid. The author compares the foreign-policy lines of the ruling Justice and Development Party and Russian foreign-policy priorities and discovers a section of mutual Russian and Turkish interests and frames of the contradictions. The research shows that in many aspects the American Greater Middle East plan and the Turkish Strategic Depth foreign-policy doctrine prevented the implementation of the two, which resulted in a window of opportunities for Russia's foreign policy in this region.

REFERENCES

1. Irkhin, A. (2011) Russian-American relations in the context of the formation of a new world order: stages, contradictions, prospects. In: *Historical and political problems of the modern world*. Vols 23–24. Chernivtsi: Chernivtsi National University. (In Ukrainian).
2. Dolgov, I.O. & Zvarich, V.B. (2004) "The advanced country" in search of its identity. US project "Greater Middle East": Perspectives for Turkey. *Politika i chas*. 7–8. pp. 61–70. (In Ukrainian).
3. Bilici, A.H. (2004) Will America Bring Democracy to the Middle East. *Zaman*. Febr. 19. [Online] Available from: <http://www.zaman.org>.
4. Davutoğlu, A. (2013) *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu* [Strategic Depth. Turkey's international position]. Istanbul.
5. Irkhin, A.A. (2011) SShA i Turtsiya: ot sotrudnichestva k konkurentsii v Chernomorsko-Kaspiyskom regione [USA and Turkey: from Cooperation to Competition in the Black Sea-Caspian Region]. *Naukoviy visnik. Odes'kyy derzhavniy ekonomichniy universitet. Vseukrains'ka asotsiatsiya molodikh naukivtsiv. Nauki: ekonomika, politologiya, istoriya*. 20 (145).
6. Irkhin, A.A. (2016) *SShA i Turtsiya: strategicheskyy soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz* [USA and Turkey: a strategic alliance and tactical differences. Retrospective and forecast]. Sevastopol: RIBEST.

Received: 03 February 2018